

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽¹⁶⁾
ВЕСНА — ЛЕТО
2012

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
В.А. Иванова

От редколлегии. Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970)	5
<i>Б.В. Норик.</i> «Воспоминания» В.А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН	6
<i>А.И. Колесников.</i> Переписка В.А. Иванова с А. Корбэном (1947–1966)	10
<i>А.А. Хисматулин.</i> В. Иванов об учении Ахл-и Хакк	16
<i>П.В. Башарин.</i> Предания о святом Халладже на Памире в контексте суфийской житийной литературы	20

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е.И. Кычанов.</i> Документ из тангутского государства Си Ся на китайском языке	24
<i>Н.В. Козырева.</i> Два клинописных текста начала II тыс. до н.э. из Южной Месопотамии, касающиеся городской недвижимости (YOS VIII 153, YOS XII 307)	28
«Диван» курдского поэта XVIII века Ранджури (транскрипция текста, образцы перевода <i>З.А. Юсуповой</i>)	38

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ЛИЦАХ

Медведева Л.Я. (<i>Т.Ю. Евдокимова</i>)	59
Николаева О.С. (<i>В.В. Щепкин</i>)	60
Берлев О.Д. (<i>И.В. Богданов</i>)	62

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>И.Т. Канева.</i> Вставные предложения (на материале текстов новошумерского периода)	64
<i>С.Р. Тохтасьев.</i> Из комментариев к Константину Багрянородному	75
<i>Е.П. Островская.</i> О предмете буддийской философии	87
<i>И.С. Гуревич.</i> Дiachронический аспект анализа языка текстов разных жанров с идентичной сюжетной линией (XIV–XVI вв.): полученные результаты	97

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- И.В. Богданов.* Ливанская древесина *hntj-š* в египетских источниках эпохи Древнего царства 112
- М.И. Воробьева-Десятовская.* Академик В.П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) 132
- С.Л. Бурмистров.* Индийские историки философии в XX веке: выбор позиции 138
- Ю.А. Иоаннесян.* Понятие «Явителя Божьей воли» в бабизме и религии бахаи 151
- О.К. Мехтиева.* Из истории общины бахаи в России и СССР. Воспоминания очевидцев 174

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Я.В. Васильков.* Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну 188
- К.М. Богданов.* Материалы из коллекции Н.П. Лихачева в собрании ИВР РАН 207
- Т.А. Черная.* Карл Иванович Максимович — выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в. 212
- П.П. Муратов.* Цикл «Навстречу солнцу»: «Первые дни в Токио» и «Токийская жизнь» (вступительная статья и публикация текста *К.Г. Маранджян*) 242
- П.С. Тентюк.* Петербургская рукопись макама ал-'Аббаса и ее «аналог» в Австрийской национальной библиотеке 251
- С.М. Якерсон.* Ашкеназская рукопись как часть караимской истории. Об одной уникальной находке в Отделе рукописей и документов ИВР РАН 259

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Б.В. Норик.* К 125-летию со дня рождения В.А. Иванова. Вклад русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. 268
- Е.П. Островская.* Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга 271
- Т.А. Пан.* Дальневосточный семинар при ИВР РАН 274
- Т.В. Ермакова.* Дни П.С. Палласа в г. Палласовка 276

На четвертой стороне обложки:
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в.
(к статье Т.А. Черной)

Над номером работали:

Т.А. Анিকেева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Маждидова
О.В. Волкова
И.Г. Ким
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

© Российская академия наук, 2012
© Институт восточных рукописей РАН, 2012

РЕЦЕНЗИИ

- В.Г. Лысенко.* Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (*Е.П. Островская*) 278
- А.А. Непомнящий.* Подвижники крымоведения (*Л.В. Орел*) 281
- Grażyna Zajac. Smutna ojczyzna i ja smutny...* Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (*Г. Мишкинене*) 284
- В.А. Лившиц.* Парфянская ономастика (*М.И. Воробьева-Десятовская*) 286
- И.В. Герасимов.* История публицистики Судана (*О.Б. Фролова*) 289

IN MEMORIAM

- Юрий Ашотович Петросян 292

Лысенко В.Г. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [Тексты]. — М.: ИФ РАН, 2011. — 233 с.

Фонд отечественной индианистической историко-философской литературы пополнился фундаментальной работой — монографией В.Г. Лысенко, посвященной узловым пунктам полемики буддийских и брахманистских (индуистских) мыслителей раннесредневековой Индии по вопросам эпистемологии. Данная проблематика, внедренная в научный дискурс в 1900-х годах академиком Ф.И. Щербатским (1866–1942), получила за истекшее столетие значительное освещение в индианистической литературе, но смысловое ядро индийской эпистемологии — оригинальные теории процесса восприятия — все еще остается далеко не исчерпанным. Рецензируемая монография, состоящая из двух глав исследования и антологии текстов, вносит существенный теоретический вклад в рассмотрение этих теорий.

В лаконичном предисловии к книге В.Г. Лысенко подчеркивает свою преемственность относительно Ф.И. Щербатского в способе подачи изучаемого материала — сочетание исследования с переводами извлечений из санскритских трактатов. Следует всемерно согласиться с автором в том, что только ознакомление с текстами позволяет войти в контакт с иной нежели европейская мыслительная традицией и вникнуть в свойственную именно ей культуру мышления. Однако В.Г. Лысенко в отличие от Ф.И. Щербатского ставит вопрос о контрпродуктивности использования европейской философской терминологии в переводах индийских произведений, опасаясь размывания культурной дистанции

между двумя регионально различными ветвями историко-философского процесса. Авторский замысел книги зиждется на идее обращения к индийской мысли как к «чужой», нуждающейся прежде всего в разъяснении собственной «инаковости» по отношению к европейскому наследию.

Указанная проблема, к сожалению, стала камнем преткновения в рассуждениях о диалоге культур, ведущихся в философских кругах с 1990-х годов. В прежних публикациях самой В.Г. Лысенко она обрела многоаспектное рассмотрение. Но вопрос, в какой именно терминологии разъяснять «чужое» и говорить о «чужом» в качестве «инакового», продолжает пробуксовывать в поисках общеметодологического решения. Востоковедные, и в частности индианистические, труды — комментированные переводы буддийских и брахманистских трактатов ввиду свойственной им высокой степени специализированности, как справедливо отмечает В.Г. Лысенко, так и не стали компонентом профессионального кругозора историков философии, не связанных с ориенталистикой непосредственно. Научно-популярная литература по индийской философии бедна и имеет слишком облегченный и поверхностный характер, чтобы на ее основе составить сколько-нибудь серьезное представление о южноазиатской мыслительной традиции и развивавшихся в ней эпистемологических теориях. Задав целью проанализировать спор буддийских и брахманистских философов о непосредственном и опосредованном восприятии, В.Г. Лысенко решила соединить свойственную востоковедению строгость в изучении письменных памятников с доступностью изложения исследуемого материала для невостоковедов.

Такой подход мотивирован актуальностью темы поиска истоков познавательной деятельности человека для экспериментальной

психологии и других социогуманитарных дисциплин, изучающих ранние стадии когнитивных процессов. Раскрытие индийских философских представлений о непосредственном и опосредованном восприятии, как полагает автор рецензируемой монографии, может способствовать расширению интеллектуальных горизонтов в этом проблемном поле и обогащению отечественного историко-философского дискурса.

Хочется отметить ту кристальную методологическую прозрачность, с которой написано введение к монографии. Автор начинает свои рассуждения о развитии теорий восприятия в философском споре буддистов и брахманистов с постановки ключевых вопросов, в равной степени занимавших южноазиатских и западноевропейских мыслителей. Является ли непосредственный перцептивный опыт неким эпистемологическим идеалом или он ценен сугубо в психологическом аспекте? Если он ограничен областью психологической интуиции, то важно ли его теоретическое осмысление? Возможно ли в принципе отгородиться от «сырых», неопосредованных мышлением стадий когнитивного процесса в пользу их многомерно опосредованных форм, запечатлевающих в генерализованных содержаниях сознания? Не окажемся ли мы неспособными дифференцировать мышление и акты перцепции, если отбросим задачу анализа непосредственного восприятия? Но в то же время если решиться учитывать эти «сырые» перцептивные стадии, то как в принципе можно выявить их статус в качестве знания — когнитивного события?

Сумма данных вопросов конституировала базу эпистемологического дискурса в полемике индийских мыслителей на протяжении многих столетий. И те результаты схоластических дискуссий, которые зафиксировались в раннесредневековых санскритских трактатах, буддийских и брахманистских, позволяют взглянуть на современную тематику когнитивных исследований в ракурсе чужой, но отнюдь не чуждой в своих интеллектуальных исканиях культуры.

В.Г. Лысенко отмечает, что оригинальная эпистемология, развивавшаяся брахманистскими и буддийскими мыслителями с древности, имела религиозное измерение. Восприятие — *пратьякша* — являлось для них первейшим объектом изучения не только потому, что выступало фундаментом выводного

знания и других инструментов познавательного опыта. *Пратьякша*, лишенная какой-либо категоризации, а по мнению буддистов — и вербализации, служила прообразом *мокши* и *нирваны* — тех свободных от всеческой обусловленности и опосредованности состояний сознания, которые манифестировали достижение высшей цели религиозной жизни — освобождения от *сансары* (пребывания в круговороте рождений). В данном аспекте эпистемологический идеал непосредственности коррелировал с религиозным идеалом — непосредственным знанием о невозникновении новых рождений как результате аскетического подвижничества.

Будучи профессиональным историком философии и опытным индианистом-санскритологом, В.Г. Лысенко обоснованно подчеркивает причастность буддийских школ *сарваствивада* (другое название — *вайбхашика*) и *саутрантика* к тому же реалистическому направлению в индийской эпистемологии, к которому принадлежали и брахманистские школы *ньяя*, *вайшешика* и *миманса*. Все они, несмотря на религиозно-идеологические различия, признавали объект восприятия внешним по отношению к процессу познания. Соответственно спор буддийских и брахманистских мыслителей по проблеме восприятия начинается, по мысли В.Г. Лысенко, только с Дигнаги (480–540) и его трактата «Аламбана-парикша». Этот корифей буддийской эпистемологии выдвинул тезис о том, что в данных перцепции предстает не внешний объект как непосредственная данность, а ментальное представление о нем.

Пользуясь привычной европейской терминологией, автор рецензируемой монографии показывает, как благодаря Дигнаге развивалась в индийском эпистемологическом дискурсе дальнейшая дивергенция понятийного аппарата, закрепляющего различия между чувственным и рациональным уровнями познания. От чувственно воспринимаемой реальности Дигнага оставил в другом своем трактате — «Прамана-самуччая» («Собрание инструментов достоверного знания» — в переводе В.Г. Лысенко) лишь *свалакшаны* — ментальные во времени перцептивные свидетельства единичного нечто, конкретного, несводимого к чему-либо более общему. В.Г. Лысенко предпочла передавать термин *свалакшана* весьма удачным латинизмом — «партикулярия», хотя буквальное значение

этого атрибутивного санскритского сложного слова — «то, что имеет собственный признак».

Дискуссия о непосредственном и опосредованном восприятии, как справедливо акцентирует В.Г. Лысенко, развернулась не только между брахманистами, с одной стороны, и буддистами — с другой, но и в среде буддийских школ. Эпистемологи-реалисты полагали, что залогом достоверности выводного знания является именно чувственное восприятие того признака, который выступает основанием «умозаключения для себя», а в вербализованной форме — основанием силлогизма. Но Дигнаге такой потенциально вербализуемый признак представлялся не партикулярией, а результатом интеллектуального конструирования — «общей характеристикой» (*саманья-лакшана*). А поскольку логический вывод, как он полагал, имеет отношение к сконструированной реальности, а не к партикулярии, его достоверность заведомо относительна. Относительным критерием достоверности умозаключения является эффективность деятельности, базирующейся на выводном знании.

Автор книги отмечает типологическую особенность философского мышления Дигнаги, его комментатора Дхармакирти и их последователей-буддистов. *Пратьякши* представлялась им несомненным когнитивным событием, поскольку этот «сырой» домыслительный акт выступал интуитивным переживанием познания — моментального соприкосновения с реальностью. Свобода от мыслительного конструирования в этот момент свидетельствовала об истинности непосредственной перцепции, ее непричастности к многослойно обусловленному индивидуальному миру личности.

В.Г. Лысенко предельно отчетливо и последовательно артикулировала проблемы, порожденные теоретическими выкладками Дигнаги и востребованные затем в сложной реалистической метафизике брахманистских систем. Детальное знание современной научной дискуссии об индийских теориях восприятия позволило автору книги сконцентрировать собственное исследование на магистральных вехах развертывания эпистемологической полемики буддистов и брахманистов и подобрать для антологии адекватные теме санскритские источники.

Архитектура двух исследовательских глав опирается на строго выверенную стратегию

панорамного раскрытия предмета изучения. В главе 1 — «Введение в проблематику индийских теорий восприятия» рассматриваются три взаимосвязанные темы: 1) *прамананавада* как учение об инструментах достоверного знания; 2) теоретическое осмысление *пратьякши* (восприятия) в буддийских и брахманистских системах умозрения; 3) индийские интерпретации двух фаз восприятия — довербальное и доконцептуальное постижение объекта и его последующая идентификация в перцептивном суждении.

Глава 2 — «Буддийская теория восприятия от Абхидхармы до Дхармакирти и позиция реалистических школ вайшешики, ньяи и мимансы» посвящена анализу эпистемологических учений в той их историко-философской конкретике, которая подкреплена изданными прежде переводами индийских произведений на русский язык и текстами, вошедшими в составленную В.Г. Лысенко антологию и ею же переведенными.

Необходимо подчеркнуть, что доминирующая идея автора — сохранить «чужое» как «иное» и разъяснить эту «инаковость» — реализована на страницах обеих глав с исключительным чувством меры. По сути дела, В.Г. Лысенко в своем рассмотрении осталась в рамках вовсе не утратившей свою научную ценность методологической парадигмы, разработанной выдающимся учеником Ф.И. Щербатского О.О. Розенбергом (1888–1919). В исследовании реконструирован историко-культурный контекст оформления оригинальной индийской эпистемологии в ее брахманистской и буддийской разветвленности. Санскритский понятийно-терминологический аппарат интерпретирован с применением европейского общеполитического лексикона без повреждающих смысл попыток его отождествления с тем или иным частным течением мысли, возникшим вне Южноазиатского субконтинента. Вместе с тем индийская эпистемология проанализирована в книге именно как неотъемлемая составляющая философии, а не какой-либо другой уникально-экзотической формы духовной деятельности, не известной нигде, кроме Индии.

Безусловно, в реализации замысла книги В.Г. Лысенко сопутствовала большая творческая удача. Однако, невзирая на виртуозную простоту и ясность изложения, емкие и лаконичные определения сложнейших понятий, не следует обольщаться надеждой, будто бы

все это богатство в ближайшие годы станет той «прозой», которой вскоре заговорят в российских университетах преподаватели и студенты философских факультетов. Образовательные программы, функционирующие ныне, продолжают центрироваться на истории европейской мыслительной традиции. А расцветшая вроде бы пышным цветом философская компаративистика приносит не слишком насыщенные содержанием плоды, ибо «медленное чтение» индийских трактатов (пусть и достойно переведенных на русский язык) требует не только универсальной профессиональной эрудиции, но и изрядной быстроты ума. Можно все же надеяться, что обещанный читателям в предисловии к рецензируемой книге труд В.Г. Лысенко «Индийская и западная мысль о непосредственном и опосредованном в чувственном восприятии» будет благополучно завершен. Тем самым, возможно, осуществится крупный шаг к постижению «чужого» как своего — одного из вариантов развития человеческого интеллекта, рефлексирующего о возможностях когнитивного соприкосновения с реальностью. И санскритская философская терминология покажется в конце концов не более трудной для усвоения, нежели кантовская, гегелевская или гуссерлианская, не говоря уже о громоздком и неуклюжем лексиконе зарубежных и отечественных постмодернистских мыслителей.

Составленная В.Г. Лысенко антология исключительно ценна и захватывающе интересна. Из буддийских источников в ней представлены отрывки трактата Дигнаги «Праманасамуччая» с автокомментарием Дхарматтары в жанре *тика*.

Эпистемологическая позиция брахманистских школ презентирована с максимально возможной в столь небольшой по объему книге полнотой. Позиция *ньяи* (школы науки логики) раскрывается в отрывках из так называемого «корневого» текста — «Ньяя-сутр», породивших обширную и долгую комментаторскую традицию, из комментария Ватсьяны «Ньяя-бхашья», трактата Уддѣттакары «Ньяя-варттика» и компендия Вачаспати Мишры «Татпарья-тика». Важно отметить в данной связи, что сочинение Вачаспати Мишры, философа-ведангиста, имеет в определенном смысле характер индийского историко-философского исследования — в нем эксплицирован виртуальный диспут найяика и буддиста.

Форма подачи брахманистских источников заслуживает особого внимания — извлечения из трактатов распределены как комментарии к каждому фрагменту «корневого» текста, что открывает ту историческую перспективу, в которой вызревала эпистемологическая теория школы *ньяя* и ее контраргументация, адресованная буддийским философам.

Позиция школы *вайшешика* представлена извлечением из трактата Прашастапады «Падарта-дхарма-санграха» с комментарием Шридхары «Ньяя-кандали», а школы *миманса* — отрывком из четвертой главы трактата Кумарилы Бхатты «Шлока-варттика» — «Исследование восприятия» («Прагьякша-паричхеда»).

Собственный комментарий В.Г. Лысенко к публикуемым переводам дается в виде постраничных сносок, предельно сжатых по объему, но содержащих тем не менее оптимум информации, источниковедческой и историко-философской. Если учитывать, что антологии предпослано серьезное исследование, то комментарий к переводам можно считать вполне достаточным.

В целом рецензируемая монография оставляет впечатление яркой и сильной работы, созданной на стыке классической индианистики и историко-философской науки опытной рукой мастера. Эта превосходная книга, равно интересная и полезная для специалистов и подрастающей научной молодежи, вышла, к великому сожалению, слишком малым тиражом — 500 экземпляров. Думается, ее следовало бы безотлагательно переиздать с учетом потребностей расширяющегося востоковедного образования и обогащения библиотечных фондов российских гуманитарных вузов.

Е.П. Островская

Непомнящий А.А. Подвижники кривоверия. — Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2008. — т. 2: TAURICA ORIENTALIA (Библиография кривоверия; Вып. 12), 595 с.

Рецензируемая книга — двенадцатый выпуск основанной в 2004 г. серии «Библиография кривоверия» — представляет собой вторую часть и продолжение первой, вышедшей под тем же названием в 2006 г. в